

ОЧЕРКИ СЪ ПРАВОСЛАВНАГО ВОСТОКА.

I.

Въ продолженіе 20 лѣтъ мнѣ привелось жить и наблюдать за жизнью на мѣстахъ, откуда наше отечество воспріяло свѣтъ Христовой вѣры. По волѣ Провидѣнія свѣтъ этотъ не угасъ на нихъ до нынѣшняго дня, поддерживаясь въ непрерывномъ преданіи вотъ уже два почти тысячелѣтія. Это жизненное преданіе не можетъ не быть для насъ дорого и я постараюсь постепенно изложить то, что мнѣ удалось изъ него уловить для насъ цѣннаго.

Въ одномъ изъ семи городовъ, спорившихъ изъ-за чести называться родиною Гомера, въ городѣ, который вмѣщаль въ себѣ одну изъ церквей, къ Ангеламъ коихъ обращены семь воззваній Апокалипсиса Новаго Завѣта, я былъ однажды у православнаго его старца митрополита.

Чтобы пройти къ нему, нужно было подняться по лѣстницѣ, а затѣмъ пройти по обширной площадкѣ. На послѣдней расположена была, кучками и порознь, и ожидала чего-то толпа народа, народа такого приблизительно, какой вмѣщали въ себѣ пять притворовъ Виеезды,—всякихъ сухихъ, хромыхъ и чающихъ избавленія отъ всякихъ удручающихъ ихъ золъ.

Когда я вошелъ къ митрополиту, я понималъ, чего они ожидали. Вереницею проходили предъ старцемъ всякіе обездоленные, каждый со своею печалію и каждый съ своею надеждою. Старецъ не уставалъ слушать, утѣшать и помогать.

Я проѣзжалъ чрезъ этотъ городъ въ другой разъ и былъ за богослуженіемъ. Былъ Великій постъ. Митрополитъ на

своей кафедрѣ, которая стоитъ въ греческихъ церквахъ сбоку лицомъ къ народу, читалъ молитву; онъ плакалъ, вмѣстѣ съ нимъ плакалъ и народъ. Затѣмъ при чтеніи молитвы: Господи и Владыко живота моего—онъ сошелъ съ кафедры и сталъ среди народа класть поклоны.

По окончаніи богослуженія я пошелъ за старцемъ въ его помѣщеніе; по дорогѣ при прохожденіи митрополита слышались возгласы: „золотой нашъ“.

Я былъ приглашенъ раздѣлить трапезу митрополита: ея строгой умѣренности я не удивился, но чему я удивился, это тому, что и во время обѣда мнѣ пришлось присутствовать при повтореніи того, чему я былъ свидѣтелемъ при первомъ моемъ посѣщеніи святителя: тѣже несчастные, женщина, жаловавшаяся со слезами на обиды, причиняемыя мужемъ и т. д.

Я привыкъ къ доступности восточныхъ іерарховъ, но впечатлѣніе, вынесенное мною въ этомъ случаѣ было другое. Несомнѣнно и эта доступность прекрасная черта жизни восточныхъ христіанъ, которые привыкли обращаться къ духовной главѣ своей общины въ важныхъ и затруднительныхъ случаяхъ за совѣтомъ и помощію въ своихъ общественныхъ и частныхъ дѣлахъ. При посѣщеніи восточнаго іерарха видишь постоянно, какъ смѣняются одинъ за другимъ, вмѣстѣ и порознь, разныя личности, приходящія съ вопросами, касающимися церкви, школь, благотворительныхъ учрежденій, съ вопросами, возникающими изъ отношеній къ правительственнымъ властямъ, съ изложеніемъ семейныхъ недоразумѣній, съ почтительными заявленіями о своихъ семейныхъ радостяхъ и печаляхъ. Ихъ разговоры и заявленія облечены, разумѣется, въ соотвѣтствующую почтительную и дѣловую форму.

Тутъ я видѣлъ однако еще другое. Я видѣлъ народную волну, которая затопила обыкновенный составъ посѣтителей въ приѣмной мѣстнаго архіерея: церковныхъ епитроповъ, школьныхъ и благотворительныхъ ефоровъ, старѣйшинъ общинъ, духовныхъ лицъ, учителей, врачей, болѣе выдающихся представителей мѣстнаго общества съ ихъ семьями. Тутъ былъ и другой тонъ; не тонъ условной почтительности къ сану, а слышалось непосредственное чувство, выливающееся какъ бы тамъ, гдѣ ему естественнѣе всего было

высказаться и гдѣ ему сейчасъ же ожидалось облегченіе и утѣшеніе. Слышалась не почтительность, а ожиданіе и требовательность, требовательность, подобная той, которая слышалась нѣкогда въ Иудеѣ и Галлилеѣ и поморіи Тирскомъ и Сидонскомъ.

Неудивительно поэтому, что у архіерея богатѣйшаго города Турціи не бываетъ обыкновенно ни конейки, что ему приходится занимать на-право и на-лѣво, что ряса его бываетъ часто не въ особенномъ порядкѣ и не первой чистоты, что состоятельные люди съ нимъ встрѣчаются съ опасеніемъ, зная, что имъ волею-неволею придется подѣлиться вслѣдствіе этой встрѣчи своими недостатками съ обездоленными, что дамы боятся показаться на глаза владыкѣ въ модной шляпѣ, — а встрѣтить можно этого подвижнаго на добро старца и пѣшкомъ на улицѣ, и въ вагонѣ конной желѣзной дороги. Не удивительно и то, что инновѣрной пропагандѣ, при всемъ ея могуществѣ и свободѣ дѣйствій на такой почвѣ дѣлать нечего, а что православная вѣра пріобрѣтаетъ съ своей стороны послѣдователей, для которыхъ такое обращеніе сопряжено со смертельною для нихъ опасностію.

Таково непосредственное впечатлѣніе, получаемое отъ того, что видишь въ Смирнѣ и слышишь тамъ о дѣятельности ея православнаго архипастыря. Постараюсь затѣмъ изложить тѣ условія, среди которыхъ она протекаетъ и руководящія начала, которыми она направляется.

Попримемъ непосредственной дѣятельности Смирнскаго митрополита является епархіальная церковь, обнимающая 140.000 душъ. Согласно порядкамъ, господствующимъ въ Константинопольской церкви, такая епархія признается многолюдною, и нѣкоторыя другія такія же епархія заключаютъ въ себѣ кромѣ центральной епархія митрополита нѣсколько подчиненныхъ ему епископій ¹⁾. Въ данномъ случаѣ только отстоящая отъ центра епархія на нѣсколько часовъ пароходнаго пути группа острововъ съ 7-ью тыс. населенія имѣетъ своего отдѣльнаго епископа; остальное вышеуказан-

¹⁾ Облегающая Смирну Ефесская епархія имѣла до послѣдняго времени на населеніе въ 120.000 правосл. христіанъ митрополита и четырехъ епископовъ. Двѣ болѣе удаленныя епископіи возведены нѣсколько лѣтъ тому назадъ на степень независимыхъ митрополій.

ное населеніе въ 140 тыс., сосредоточенное въ одномъ городѣ и въ 8-ми близкихъ пригородныхъ селеніяхъ, находится въ непосредственномъ вѣдѣніи митрополита.

Эта сосредоточенность позволяетъ архипастырю осуществлять свое духовное попеченіе о вѣранныхъ ему душахъ въ близкомъ личномъ съ нимъ общеніи. Такой объемъ и составъ епархіи являются условіями церковной жизни на Востокѣ, унаслѣдованными отъ глубокой христіанской древности. Эти условія доставляютъ, конечно, возможность предстоятелямъ отдѣльныхъ церквей проявлять съ особымъ усиліемъ свою пастырскую ревность. Въ Смирнской церкви эта возможность обращается въ утѣшительную и ободряющую для православнаго сознанія дѣйствительность.

Дѣйствительность эта обусловлена, конечно личностію архипастыря, его духовнымъ складомъ и направленіемъ, и многолѣтнимъ духовнымъ единеніемъ съ своею паствою, организованною въ мѣстную церковную общину. Смирнская церковь имѣетъ такимъ образомъ въ лицѣ своего предстоятеля не администратора по духовнымъ дѣламъ, а видитъ въ немъ свою духовную главу, преемника своихъ основателей, и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимое завершеніе своего собственного строя.

При такихъ условіяхъ на почвѣ одной изъ древнихъ апостольскихъ церквей мы видимъ осуществленіе того понятія о цѣльной церковной общинѣ, которое лежитъ въ основаніи всего строя Православной Церкви. Примѣръ такой церковной общины помогаетъ намъ уяснить себѣ, чѣмъ были тѣ церкви, которыя высылали на Вселенскіе Соборы свидѣтелями своей вѣры своихъ предстоятелей.

Такое пониманіе отношеній мѣстной церкви къ вселенской жизни Церкви и такое связанное съ этимъ пониманіемъ уваженіе къ достоинству своей церкви и чувство собственной съ нею связи ясно видны въ дѣятельности Смирнскаго архипастыря. Въ его устахъ понятно и возможно заявленіе, что *Смирнская церковь* не принимаетъ сообщеннаго ему изъ Константинопольской Патріархіи рѣшенія центрального органа духовной власти ¹⁾. Не менѣе свѣта на его по-

¹⁾ Какъ передаютъ, такой отвѣтъ данъ былъ митрополитомъ по поводу сообщеннаго ему постановленія объ отлученіи отъ Церкви членовъ Смирнской общины.

ниманіе бросаетъ другое его заявленіе,—на этотъ разъ въ качествѣ члена этого самаго центрального органа,—Патріаршаго Синода,—что послѣдній не имѣетъ нравственнаго права навязывать мѣстной церкви неугоднаго ей предстоятеля (дѣло шло о замѣщеніи кафедры въ епархіи со славянскимъ населеніемъ).

Въ связи съ вышеизложеннымъ возрѣнія его на принадлежащія православному епископу положеніе и права выясняются изъ протеста его противъ выраженій, которыя слышатся иногда въ устахъ нѣкоторыхъ восточныхъ іерарховъ по отношенію къ патріаршему сану. Смирнскій архипастырь возставалъ противъ выраженій, которыя позволяли дѣлать заключеніе, что православные Епископы въ Константинопольской Церкви являются представителями центральной власти Патріарха. Путемъ печати онъ привлекъ вниманіе на несоотвѣтствующія православному пониманію слова, произнесенныя однимъ іерархомъ при обрядѣ врученія жезла новопоставленному Патріарху, въ которыхъ высказывалось, что жезлъ вручается послѣднему какъ „пастырю пастырей“.

Въ исполненной всякихъ тревоженій исторіи Константинопольской церкви событіемъ особаго значенія по своему смыслу является постановленіе Патріархіи въ сентябрѣ 1890-го года о прекращеніи богослуженія въ Константинополь, постановленіе, имѣвшее въ виду произвести давленіе на Порту съ цѣлюю добиться благопріятнаго разрѣшенія спора съ послѣднею о нарушенныхъ Правительствомъ правахъ Церкви. Постановленіе это приведено было въ исполненіе въ Константинополь, а также по приглашенію Патріаршаго Синода на всемъ пространствѣ Константинопольскаго Патріархата, за исключеніемъ нѣкоторыхъ окраинъ; оно держалось въ силѣ въ продолженіе 3-хъ мѣсяцевъ, отзываясь на всемъ политическомъ положеніи Имперіи, до послѣдовавшаго послѣ трудныхъ переговоровъ соглашенія съ Портою, уступившею основнымъ требованіямъ Патріархіи.

Въ этомъ случаѣ ярко проявилось пониманіе отдѣльными представителями мѣстныхъ церквей высшихъ задачъ своего призванія и вмѣстѣ съ тѣмъ своего положенія въ общемъ строѣ помѣстной церкви. Нѣкоторые изъ нихъ съ большою горячностью приняли приглашеніе Патріархіи послѣдовать

ей въ защитѣ указаннымъ способомъ предоставленныхъ Церкви правъ, правъ ¹⁾ дѣйствительно весьма цѣнныхъ для существованія православнаго населенія Турціи въ средѣ чуждаго ему по духу и учрежденіямъ государства.

Съ своей стороны митрополитъ Смирнскій, человекъ горячей вѣры, усмотрѣвшій въ такой мѣрѣ нарушение важнѣйшихъ требованій религиозной жизни, не призналъ себя связаннымъ рѣшеніемъ Патріархіи и убѣжденно противился примѣненію ея въ Смирнѣ. Поэтому въ продолженіе 1½ мѣсяца послѣ закрытія храмовъ въ Константинополѣ богослуженіе въ Смирнѣ не прекращалось.

Между тѣмъ вопросъ принялъ, однако, размѣры вопроса національнаго и съ свойственнымъ грекамъ страстнымъ патриотизмомъ населеніе Смирны волновалось изъ-за того, что оно оставалось въ сторонѣ отъ общаго дѣла, въ которомъ участіе такого центра, какъ Смирна, имѣло большое значеніе. При негласномъ руководствѣ греческаго консульства народъ сталъ заявлять настойчиво свои требованія и устраивать шумныя уличныя демонстраціи. Митрополитъ, удалившійся тѣмъ временемъ изъ города, созвалъ тогда представителей общины для обсужденія дѣла. Въ своемъ пространномъ обращеніи къ нимъ онъ изложилъ все, что онъ считалъ неправильнымъ съ религиозной точки зрѣнія въ предложенной мѣрѣ, но подчинился затѣмъ рѣшенію созваннаго собранія. За собою онъ оставилъ, однако, личную свободу дѣйствій и проявилъ съ этого времени усиленную дѣятельность, обращаясь какъ къ Вселенскому Патріарху съ мольбою о прекращеніи неправильнаго образа дѣйствій Патріархіи, такъ и къ предстоятелямъ другихъ автокефальныхъ восточныхъ церквей, призывая ихъ высказаться по этому вопросу, чтобы не дать утвердиться въ Православной Церкви началу „цѣли освящающей средства“.

Въ этомъ случаѣ проявилась ярко характерная черта жизненной дѣятельности Смирнскаго архипастыря: исклю-

¹⁾ Права эти касались: 1) обезпеченія суда надъ духовенствомъ отъ непосредственнаго вмѣшательства свѣтской власти; 2) сохраненія авторитета церковнаго суда въ семейныхъ дѣлахъ, вытекающихъ изъ развода; 3) обезпеченіе свободы христіанскаго завѣщанія отъ мусульманскаго законодательства; 4) сохраненія за Церковью независимости въ училищномъ дѣлѣ.

чительно религіозное пониманіе своего призванія. Съ свойственною ему непреклонною послѣдовательностью въ обращеніи своемъ къ представителямъ Смирнской общины онъ основывается на изреченіи: „не имѣемъ здѣ пребывающаго града“. Для него въ сравненіи съ религіозною стороною теряютъ цѣну соображенія объ обезпеченіи земныхъ условій существованія его народа. Для того, чтобы понять всю рѣзкость такой постановки вопроса, слѣдуетъ принять въ соображеніе, что въ Турціи архіереи являются не исключительно духовными дѣятелями, но и гражданскими главами своихъ общинъ и представителями ихъ предъ государственною властію.

Подчинивъ себѣ христіанскія народности, Турція не могла по своему теократическому строю включить въ него эти народности органически и предоставила имъ возлѣ своего собственнаго религіозно-народнаго строя, основаннаго на коранѣ, внутреннюю обособленную организацію. Главою всѣхъ православныхъ подданныхъ султана признанъ былъ Вселенскій Патріархъ съ обширною гражданскою юрисдикціею. Каждый митрополитъ и епископъ считается главою своей епархіальной общины, ея представителемъ и отвѣтственнымъ за нее лицомъ предъ государственною властію.

Вокругъ духовнаго главы общины и въ помощь ему возникли общественныя учрежденія прежде всего для раскладки государственныхъ податей, затѣмъ для судебнаго разбора семейныхъ и вытекающихъ изъ семейныхъ отношеній имущественныхъ дѣлъ членовъ общины, наконецъ для завѣдыванія церквами, благотворительными суммами и учрежденіями и училищами. Самъ митрополитъ или епископъ является непремѣннымъ членомъ административнаго совѣта при мѣстномъ генераль-губернаторѣ или губернаторѣ, въ которомъ онъ призванъ быть защитникомъ и представителемъ интересовъ своей общины. Неудивительно, что при такомъ сложномъ и важномъ для христіанскаго населенія кругѣ гражданскихъ обязанностей духовныхъ главъ общинъ, обязанности эти стали у многихъ изъ нихъ заслонять чисто духовную сторону ихъ призванія. Несомнѣнно, что и населеніе дорожитъ архіереемъ, обладающимъ политическимъ тактомъ и проявляющимъ способность отстаивать жизненные народныя интересы.

Въ противоположность такому взгляду на задачи дѣятельности духовныхъ главъ общинъ Смирнской митрополитъ неуклонно держится духовнаго пониманія своего призванія. Для него спасеніе одной подвергающейся опасности человѣческой души важнѣе всѣхъ земныхъ интересовъ его многотысячной паствы. По евангельскому слову архипастырь не колеблется оставлять все свое стадо, чтобы идти спасать одну заблудшую овцу.

Такимъ напр. нерѣдкимъ поводомъ къ проявленію пастырской ревности Смирнскаго митрополита представляетъ отношеніе его къ случаямъ совращенія въ мусульманство. Случаи эти бывають обыкновенно съ женщинами и являются большею частію почти безнадежными, такъ какъ женщины эти, часто сомнительнаго поведенія, совращаемыя по любви или изъ выгоды, находятся уже, когда дѣло доходитъ до свѣдѣнія митрополита, почти безъ исключенія внутри гарема, и извлечь ихъ оттуда для увѣщанія и исполненія другихъ формальностей, представляетъ въ мусульманскихъ странахъ большую трудность и чрезвычайную опасность. Припомнимъ, что участіе въ подобнаго рода дѣлѣ стоило жизни нашему Грибоѣдову, а въ 1876 г. въ Салоникахъ французскому и германскому консуламъ. Непреклонная настойчивость митрополита въ этихъ уже на видъ безнадежныхъ дѣлахъ является исполненіемъ до конца пастырскаго дѣла по отношенію къ несчастной совращенной человѣческой душѣ, но она служитъ въ тоже время огражденіемъ христіанской общины отъ дальнѣйшихъ на нее поплзновеній.

Эти дѣла при непреклонности митрополита ставятъ, однако, съ другой стороны въ величайшее затрудненіе турецкія власти по отношенію къ мусульманскому населенію, и къ нимъ возводятся обыкновенно источникъ обостренныхъ отношеній, которыя почти безъ исключенія существуютъ между митрополитомъ и представителями турецкаго правительства. Между тѣмъ Смирнскими генераль-губернаторами являются обыкновенно либо бывшіе, либо будущіе великіе визири и министры. Два изъ нихъ получили непосредственно послѣ Смирны назначеніе Министромъ Юстиціи и Исповѣданій и перенесли, конечно, въ высшее управленіе недоброжелательство къ митрополиту. Послѣдняго, однако,

не останавливаютъ не только соображенія о его личномъ положеніи, но и о создаваемомъ этими отношеніями положеніи для всѣхъ дѣлъ его общины. Земными условіями существованія своей столь близкой ему церковной общины онъ жертвуетъ безъ колебанія и оговорокъ, когда затрогиваются вопросы, касающіеся всеобщаго и вѣчнаго назначенія Христовой Церкви.

Какъ упомянуто было выше, Смирнскій архипастырь съ неменьшею послѣдовательностію держится своего образа дѣйствій и въ вопросахъ, касающихся общенародныхъ интересовъ.

Минувшее столѣтіе является въ Европѣ преимущественно эпохою торжества идеи національности, перестроившей ее политическую карту и жизнь. Въ своемъ крайнемъ развитіи эта идея внесла въ жизнь европейскихъ народовъ элементъ розни, обострила ихъ отношенія и узаконила въ представленіи широкихъ круговъ чувство международной вражды. Въ умахъ многихъ она привела къ возстановленію языческаго начала возведенія патриотизма на степень религіи.

Нигдѣ можетъ быть эти крайности не овладѣли настолько народными умами, какъ среди восточныхъ христіанскихъ народностей.

Поприщемъ проявленія этихъ крайностей и первую ихъ жертвою явилась Церковь.

Какъ было уже упомянуто, общественная жизнь христіанъ на Востокѣ объединялась со времени турецкаго завоеванія церковію. Послѣдняя носила греческій обликъ. Не успѣвшія еще вполнѣ окрѣпнуть, отдѣлившіяся было отъ Константинополя славянскія церкви слились снова подъ турецкимъ владычествомъ съ обладавшею большими силами Константинопольскою Церковію. Власти и албанцы не имѣли церковной самостоятельности и до завоеванія.

Съ пробужденіемъ національнаго сознанія первый напоръ его направленъ былъ на разрывъ этихъ духовныхъ узъ. Съ своей стороны Греки отстаивали то, что имъ казалось историческимъ ихъ культурнымъ наслѣдіемъ противъ возставшихъ, по ихъ понятіямъ, на него варваровъ.

Столкновеніе произошло преимущественно съ болгарами, такъ какъ съ получившими политическую самостоятельность Сербами и Румынами дѣло устроилось сравнительно легко.

Въ этой борьбѣ, длящейся вотъ уже почти полвѣка, Смирнскій архипастырь занялъ съ свойственною ему рѣшительностію вполне опредѣленное положеніе. Въ противность исключительнымъ народнымъ стремленіямъ и страстямъ онъ неустанно отстаивалъ вселенскія церковныя начала жизни. Усилія эти встрѣчали, однако, самый неблагопріятный отвѣтъ, такъ какъ обѣ стороны видѣли выгоду свою въ обостреніи вопроса и достиженіи рѣшительнаго раздѣленія, при которомъ имъ казалось легче осуществить свои народныя вождельнія.

Руководимые такими побужденіями дѣятели болгарскаго движенія добились султанскаго фирмана 1870 г., положившаго такое—странное нецерковное начало жизни помѣстной христіанской церкви. Фирманъ этотъ далъ, однако, при этомъ болгарамъ возможность созданія своей особой боевой организаціи, приспособленной для народной пропаганды. Эта организація гораздо, конечно, дороже болгарскимъ политикамъ мало говорящаго ихъ чувству и сознанію церковнаго единенія. Они не согласились бы и теперь на замѣну ея участіемъ болгаръ даже на равныхъ правахъ съ греками въ общецерковномъ дѣлѣ и вообще какою-либо связью, стѣсняющею одностороннюю полную свободу ихъ политическаго дѣйствія.

Съ своей стороны греки, освободившись отъ подобной же, надвигавшейся, по ихъ взгляду, опасности участія болгаръ въ руководствѣ церковнымъ, что на востокѣ тождественно съ народнымъ, дѣломъ желали провозглашеніемъ схизмы на константинопольскомъ соборѣ 1872 г. вырыть нравственную пропасть, которая остановила бы славянское населеніе отъ послѣдованія болгарской пропаганды. Хотя расчеты эти въ полной мѣрѣ далеко не оправдались, но несомнѣнно, что значительная часть этого населенія въ предѣлахъ Турціи осталась, не безъ вліянія этого чувства, вѣрною Константинопольской Патриархіи. На примѣрѣ хотя бы столь безпокоющаго болгаръ и мало радующаго грековъ замѣщенія Ускюбской кафедрой мы видимъ, однако, какъ обоюдоостры политическіе расчеты въ Церкви, не говоря уже о глубокомъ нравственномъ ихъ вредѣ.

Къ чести Константинопольской церкви слѣдуетъ признать, что въ ея средѣ, если и не возобладала, то и не угасала

въ живомъ преданіи вселенская истина Христовой Церкви. Такъ какъ въ Церкви цѣнны, конечно, главнымъ образомъ не тѣ или другія мѣропріятія, а настроеніе и дѣйствія ея представителей и членовъ, то это живое преданіе, хотя бы и не осуществлявшееся въ формальныхъ постановленіяхъ, не теряется въ церковной жизни и не даетъ угаснуть драгоценному наслѣдію для будущихъ временъ.

Носителемъ такого высокаго пониманія призванія Церкви явился въ самый разгаръ греко-болгарской распри Вселенскій Патріархъ Григорій VI. О личности его и благородныхъ, не увѣнчавшихся, однако, видимымъ успѣхомъ усиліяхъ не безъизвѣстно въ нашей литературѣ. Но наряду съ этою свѣтлою личностью заслуживаетъ вниманія и руководившая тѣмъ же духомъ дѣятельность Халкинскаго Патріаршаго Богословскаго Училища, въ которомъ поддерживались за это время лучшія церковныя преданія.

Во главѣ его съ самаго основанія училища въ 1843 г. въ продолженіе четверти вѣка стоялъ единомышленникъ Григорія, пользовавшийся высокимъ авторитетомъ въ Константинопольской церкви, архимандритъ Константинъ Типальдосъ (отличенный впослѣдствіи титуломъ митрополита Ставрूपольскаго). Уроженецъ Ионическихъ острововъ, находившихся подъ англійскимъ управленіемъ, Типальдосъ принужденъ былъ покинуть свою родину вслѣдствіе сопротивленія его распространенію Св. Писанія въ изданіи Лондонскаго библейскаго общества, а не въ переводѣ LXX, подобно тому какъ одновременно Григорій вынужденъ былъ по той же причинѣ сойти, послѣ перваго своего правленія съ патріаршаго престола.

Подъ влияніемъ строго церковнаго духа Типальдоса, который наложилъ неизгладившійся до сихъ поръ отпечатокъ на весь строй—училища, послѣднее широко проявляло свою вѣрность вселенскому призванію Церкви. Въ отвѣтъ на требованія жизни Типальдосъ ввелъ въ кругъ предметовъ преподаванія кромѣ церковно-славянскаго и болгарскій языкъ (замѣненный впослѣдствіи русскимъ). На наличныя средства названнаго ректора училища издана была славянская христоматія, составленная однимъ изъ преподавателей славянскаго происхожденія. Въ число послѣднихъ принятъ былъ окончившій курсъ Московской Духовной Академіи болгар-

ринъ по происхожденію, іеромонахъ Анеимъ, бывшій ученикъ Халкинскаго училища. Этотъ Анеимъ призванъ былъ затѣмъ послѣ Типальдоса стать на нѣкоторое время во главѣ училища, а впослѣдствіи могучій потокъ развившихся на Балканскомъ полуостровѣ событій вынесъ того же Анеима, не безъ тяжелой для него нравственной борьбы, на должность перваго Болгарскаго Экзарха.

Въ продолженіе пяти лѣтъ въ ту-же эпоху ожесточенной борьбы руководство училищемъ возложено было вскорѣ послѣ того на нынѣшняго Смирнскаго митрополита преданнаго ученика Типальдоса и тоже, какъ Анеимъ, славянскаго происхожденія ¹⁾.

На этомъ важномъ въ строѣ Константинопольской церкви мѣстѣ онъ явился неустаннымъ противникомъ опредѣленія собора 1872 г. о схизмѣ. Памятникомъ этой его дѣятельности, не утратившимъ жизненнаго значенія до сихъ поръ, служить обнародованный имъ докладъ о дѣйствительности (хотя и незаконности) хиротоніи въ Болгарской церкви, докладъ, который шелъ въ разрѣзъ съ намѣреніями участниковъ собора, желавшихъ по возможности увеличить пропасть между отдѣлившимися послѣдователями Болгарской экзархіи и Константинопольскою церковію. Послѣдняя на практикѣ стала примѣнять начала, изложенныя въ вышеупомянутомъ докладѣ, признавая духовныхъ лицъ, рукоположенныхъ въ болгарской церкви и присоединяющихся къ Константинопольской, въ санѣ, которымъ они облечены были въ первой.

Болгарскій расколъ остался для Смирнскаго архипастыря самымъ чувствительнымъ и болѣзненнымъ для него явленіемъ церковной жизни и онъ не переставалъ ратовать въ средѣ Константинопольской церкви противъ неправильнаго,

¹⁾ Не лишне отмѣтить, что въ Константинопольской церкви происхожденіе не имѣло значенія для занятія церковныхъ должностей. Въ XIX вѣкѣ правила два или три патріарха, о которыхъ точно извѣстно, что они были славянскаго происхожденія. Одинъ изъ нихъ Хрисанъ, въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, считается однимъ изъ лучшихъ патріарховъ, а племянники его явились впослѣдствіи видимыи дѣятелями въ болгарскомъ движеніи. Эллинизмъ создался не столько какъ раса, сколько какъ культура. Въ послѣднее время получилъ значеніе, конечно, и вопросъ расы.

по его мнѣнію, направленія, даннаго ею рѣшенію вопроса. Всякое обостреніе послѣдняго встрѣчало въ немъ послѣдствительнаго противника. Такое противодѣйствіе проявлялъ онъ напр. по неоднократно возбуждавшемуся патриархіей требованію о понужденіи Болгарской экзархіи измѣнить покрою одежды подвѣдомственнаго послѣдней духовенства ¹⁾).

Вышеприведенные примѣры жизненнаго пониманія Смирнскимъ митрополитомъ церковной вселенскости восполняются неизмѣняющимся отношеніемъ его къ православной Россіи.

Несмотря на всѣ колебанія настроенія окружающаго его греческаго міра по отношенію къ нашему отечеству, онъ неизмѣнно сохранялъ и проявлялъ тѣ чувства, которыя на Востокъ объединяють духовно съ Россіей въ глубинѣ ихъ жизни православныя народности, чувства, которыя далеко не исчерпываются однимъ чувствомъ благодарности. Само по себѣ чувство это въ народной жизни далеко не перво-степенной силы со стороны греческаго народа не можетъ быть безраздѣльнымъ по отношенію къ нашему отечеству, такъ какъ Англія и Франція въ значительной мѣрѣ оказывали ему въ новѣйшей исторіи свое содѣйствіе наравнѣ съ Россіей. Духовное единеніе съ послѣднею основывается гораздо сильнѣе на сознаніи нравственной съ нею солидарности, которое тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе въ народѣ православное сознаніе. Вѣрнымъ выразителемъ этого двойнаго сознанія является Смирнскій митрополитъ. Нѣтъ основанія при этомъ приписывать эти его чувства славянскому его происхожденію, такъ какъ тѣ же чувства встрѣчаются у людей одинаковаго съ нимъ настроенія чисто греческаго происхожденія.

Смирнскій архипастырѣ не переставалъ никогда поддерживать, насколько то было ему возможно, отношенія къ представителямъ нашей Церкви и Государства. Бывали минуты.

¹⁾ Вопросъ этотъ о покрое одежды духовенства, при относительной свободѣ пропаганды, является на Востокѣ однимъ изъ очередныхъ, такъ какъ населенію не всегда легко распознавать представителей различныхъ церквей. Римская церковь напр. для облегченія своихъ усилій привлечь къ себѣ православное населеніе пользуется, между прочимъ, и этимъ средствомъ, облекая уніатское духовенство въ привычное для народа одѣяніе и сохраняя въ точности, особенно со времени Льва XIII, всѣ православныя церковныя обряды и обстановку.

когда и безъ того столь скудныя въ православномъ мѣрѣ живыя междуцерковныя отношенія сводились между церквами Константинопольскою и Россійскою къ одной этой убѣжденной дѣятельности Смирнскаго митрополита.

Особое значеніе для общей жизни Константинопольской церкви имѣла послѣдовательная посылка имъ молодыхъ людей для окончанія своего образованія въ наши Духовныя Академіи и другія учебныя заведенія. Въ настоящее время какъ въ составѣ Патріархіи, такъ и Халкинскаго Богословскаго Училища имѣются молодые люди изъ этихъ воспитанниковъ Смирнскаго митрополита, окончившихъ курсъ нашихъ духовныхъ Академій, которые заслужили себѣ общее признаніе и довѣріе. Имъ приходится выдерживать при этомъ въ общественномъ мнѣніи сравненіе съ болѣе многочисленными воспитанниками зап. европейскихъ (въ значительномъ большинствѣ—германскихъ) университетовъ.

Скрѣпяя по мѣрѣ силъ узы, объединяющія вселенскую православную Церковь, Смирнскій архипастырь бдительно слѣдитъ съ другой стороны за ея цѣлостію въ области его пастырскаго вѣдѣнія отъ покушеній пропагандъ. Плодомъ его ревности являются посланія его къ своей паствѣ, направленныя къ охраненію ея отъ соблазновъ дѣйствующихъ въ ея средѣ, преимущественно латинскихъ, учрежденій и дѣятелей. Малоуспѣшная вообще среди грековъ дѣятельность латинскихъ и протестантскихъ миссій не можетъ похвалиться какими-либо пріобрѣтеніями и въ Смирнѣ.

Усиленныя старанія Льва ХІІІ и обращеніе его къ восточнымъ православнымъ христіанамъ съ призывомъ къ единенію съ Римомъ вызвали со стороны Константинопольской церкви въ патріаршество Анеѣма VII въ 1895 г. извѣстный отвѣтъ въ видѣ окружнаго посланія. Къ составленію послѣдняго привлеченъ былъ митрополитъ Смирнскій, считающійся хорошимъ латинистомъ, вмѣстѣ съ ученымъ іерархомъ издателемъ „Ученія Двѣнадцати Апостоловъ“, митрополитомъ Никомидійскимъ Филоеемъ Вріенніемъ и митрополитомъ Филадельфійскимъ (нынѣ Мееимскимъ) Стефаномъ.

Все вышеизложенное, я полагаю, достаточно выясняетъ нравственную личность Смирнскаго митрополита, какъ человека, безъ послабленія и сдѣлокъ идущаго по избранному имъ пути. Въ его дѣятельности не существуетъ соображе-

ній о томъ, съ кѣмъ и съ чѣмъ придется ему на этомъ пути войти въ столкновение изъ-за служенія тому, что онъ считаетъ истинною. Ему приходилось всенародно въ засѣданіи административнаго совѣта слышать отъ высшаго представителя государственной власти грозныя слова: Деспоть ¹⁾ ефенди ²⁾—человѣкъ невѣрный (турецкой державѣ); бывали времена, когда по всему фанатическому эллинскому міру слышался вопль о предательствѣ „болгариномъ“ народнаго дѣла и не сдержанная южная толпа разражалась въ самомъ храмѣ бранными на него криками; еще недавно весь составъ Синода Константинопольской церкви съ Вселенскимъ Патріархомъ во главѣ единогласно постановлялъ выразить старцу митрополиту свое порицаніе за „строптивное“ противленіе постановленіямъ высшей духовной власти. Одушевленный горячею вѣрою Смирнскій архипастырь не ищетъ поддержки въ людяхъ, но онъ нисколько однако не проникнуть духомъ отчужденія отъ нихъ. Какъ мы видѣли выше, онъ несетъ имъ самъ горячую христіанскую любовь. Любовь эта распространяется на всю Церковь и на весь родъ человѣческій и находитъ постоянное поприще дѣятельнаго проявленія своего во ввѣренной ему церковной общинѣ.

Съ своей стороны послѣдняя отвѣчаетъ любовью на эту изливающуюся на нее любовь. Характеристика личности предстоятеля Смирнской церкви приводитъ неизбѣжно и къ нѣкоторой характеристикѣ нравственно связанной съ нимъ церковной общины, что въ свою очередь даетъ дополнительные данныя для пониманія личности Смирнскаго митрополита.

Въ вышеизложенномъ мы видѣли, что дѣятельность Смирнскаго архипастыря сосредоточивается почти исключительно на религіозной сторонѣ его призванія; дѣятельность эта служить какъ бы продолженіемъ его личной религіозной жизни. Въ дорогѣ ли, въ гостяхъ ли при наступленіи установленнаго часа вечерни онъ становится для прочтенія службы съ сопровождающимъ его діакономъ, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ. Не стѣсняясь никакими иными соображеніями, онъ будетъ отстаивать отъ соблазна и насилія

¹⁾ Греч: владыка.

²⁾ Тур.: господишъ—принятое турками обращеніе къ архіереямъ.

до крайней возможности, часто вопреки очевидности, ввѣренную ему христіанскую душу. Такъ и въ отношеніи къ своей общинѣ онъ стремится вести ее прежде всего къ вѣчнымъ цѣлямъ.

Трудно было бы утверждать, чтобы общественно-административная жизнь общины была предметомъ столь же настойчиваго вниманія митрополита. Часто становятся общимъ достояніемъ свѣдѣнія о неурядицахъ въ многочисленныхъ учрежденіяхъ общины и о столкновеніяхъ между представителями ея собраніями; выше говорено уже было о положеніи, создаваемомъ общими натянутыми отношеніями митрополита, главы ея, къ мѣстной государственной власти. Все это можетъ служить доказательствомъ тому, что Смирнскій митрополитъ въ руководительствѣ общественною жизнію не проявляетъ тѣхъ способностей, которыя цѣнятся весьма высоко на Востокѣ и которыя во многомъ обезпечиваютъ христіанскому населенію сносное существованіе среди чуждаго ему мусульманскаго государственнаго строя. Несомнѣнно, что интересы общины въ этомъ отношеніи часто страдаютъ. Но не только интересы, нерѣдко и столь напряженные въ греческомъ народѣ національныя чувства не встрѣчаютъ со стороны Смирнскаго митрополита того отклика, отказъ въ которомъ при высокомъѣриіи „эллиновъ“ кажется имъ оскорбительнымъ. Митрополитъ между тѣмъ не стѣсняется выказывать свое отрицательное отношеніе къ разнымъ столь ложнымъ по духу, но якобы патріотическимъ проявленіямъ ихъ чувствъ.

Эти интересы и эти чувства достаточно объясняютъ неоднократное появленіе въ средѣ общины духа протеста противъ дѣйствій ея главы, протеста всегда, впрочемъ, останавливающагося предъ нравственною личностію іерарха. При болѣе обычныхъ условіяхъ, несомнѣнно, что этотъ протестъ увлекъ бы всю общину, а такая могущественная община, какъ Смирнская, достигла бы, конечно, удаленія негоднаго ей главы. Перемѣщеніе на болѣе выгодныя каѳедры является обыкновенно преобладающимъ вождельніемъ большинства членовъ Константинопольскаго Синода и стремленіе ихъ въ этомъ смыслѣ служить едва-ли не главнымъ источникомъ неустойчивости верховнаго правленія Константинопольской церкви. Смирнская каѳедра является, конечно, одною изъ

наиболѣе привлекательныхъ для іерарховъ этой церкви и нерѣдко возникали предположенія о перемѣщеніи нынѣшняго ея замѣстителя. Для облегченія исполненія такого замысла предполагалось назначить его на первую по рангу кафедру Константинопольской церкви въ Кесарію Каппадокійскую или выставить кандидатуру его на Антиохійскую патріархію.

Вождедѣнія эти не могли, однако, до сихъ поръ осуществиться, такъ какъ могущественнѣе ихъ оказывались другія основныя теченія народной жизни, которыя не позволяютъ устранять такого человѣка, какъ Смирнскій архипастырь. Конечно, тутъ дѣйствуетъ не безотчетное обаяніе личности, такъ какъ мы знаемъ, что и высочайшая и святѣйшая личность въ исторіи не остановила злобы человѣческой. Несомнѣнно, что въ личности и дѣятельности Смирнскаго іерарха есть стороны, которыя отвѣчаютъ нравственнымъ понятіямъ и требованіямъ народа. Присутствуя при богослуженіи и общей молитвѣ архипастыря съ народомъ, понимаешь, чѣмъ послѣдній дорожитъ въ немъ и за что прощаетъ онъ ему нѣкоторыя недочеты и ошибки, которые, быть можетъ, проявляются въ его дѣятельности. Для народа дорого то, что онъ видитъ въ своемъ архипастырѣ руководителя къ высшимъ цѣлямъ жизни, руководителя, который по ученію перваго насадителя вѣры Христовой на малоазіатскомъ побережьѣ „не суди что вѣдѣти“ кромѣ „слова крестнаго“. Если народъ этотъ, столь трудно понимаемый, хотя столь долго дѣйствующій на міровомъ поприщѣ, во многомъ остается, какъ греки сами любятъ повторять „*toujour la même canaille que du temps de Periclés*“, то при всемъ влекущемъ его книзу легкомысленномъ эгоизмѣ и непостоянствѣ, въ его средѣ не угасаетъ огонь преданности высшимъ идеаламъ, который не даетъ ему нравственно погибнуть. Нигдѣ сознание личности не достигаетъ, кажется, такой остроты, заставляющей у грековъ столь часто служить эгонистическимъ страстямъ все святое человѣческой души. Нигдѣ, однако, и отреченіе отъ всего земнаго ради служенія высшему призванію человѣка не стояло и не стоитъ выше, чѣмъ среди грековъ. Нѣтъ народа, который свою народную личность ставилъ бы въ своемъ исключительномъ высокоуміи выше и который доходилъ бы дальше въ своемъ ожесточеніи по

отношенію къ другимъ народностямъ. Въ то же время, однако, въ средѣ его церкви сохраняются живыя преданія о вселенскомъ призваніи Христовой Церкви и въ строѣ этой его народной церкви находятъ себѣ признанное мѣсто одушевленные носители этихъ преданій. Не сомнѣваемся, что эти преданія призваны еще сослужить великую службу Церкви и человѣчеству.

Одинъ изъ носителей и провозвѣстниковъ этихъ преданій, воспріявшій архипастырскій подвигъ свой по преемству служенія отъ апостола любви, Смирнскій іерархъ въ горячемъ своемъ чувствѣ любви къ человѣчеству уже видитъ духовными очами единеніе послѣдняго осуществленнымъ, и нельзя вѣрнѣе завершить его характеристику, какъ основною мыслью его новѣйшаго произведенія: „О Святой Троицѣ“. Мысль эту онъ усматриваетъ въ переданныхъ возлюбленнымъ ученикамъ Христовымъ словахъ первосвященнической молитвы Спасителя о единеніи Его вѣрныхъ послѣдователей по образу единенія Его съ Божественнымъ Его Отцомъ. Основываясь на этомъ евангельскомъ словѣ и проникнутый его смысломъ, Смирнскій іерархъ указываетъ въ столь ясно представляющемся его духу единеніи человѣчества путь къ сильному проникновенію въ высочайшую тайну жизни Божества во Святой Троицѣ, какъ въ источникъ совершеннаго единенія въ совершенной любви.

Такъ служить Богу и человѣчеству Смирнскій митрополитъ Василій, но, по милости Божіей, на Православномъ Востокѣ онъ подвизается добрымъ подвигомъ не одинъ и въ слѣдующихъ очеркахъ я постараюсь изложить то, что мнѣ привелось тамъ еще видѣть.

1 Мая 1904 г.

П. Мансуровъ.
